

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ ОТРАЖЕНИЯ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Богданович Алексей Борисович

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой гуманитарных наук
Университета гражданской защиты Министерства
по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь
(г. Минск, Беларусь)

Сергеев Всеволод Николаевич

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных наук
Университета гражданской защиты Министерства
по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь
(г. Минск, Беларусь)

Информация в условиях кризисов и катастроф выступает, прежде всего, в качестве важного фактора социального управления, что обуславливает необходимость как понимания, так и знания компенсаторных (возместительных) ресурсов. Под компенсаторным ресурсом понимается свойство СМИ оказывать положительное воздействие на психоэмоциональное и физическое состояние людей, попавших в зону чрезвычайной ситуации [1].

Благодаря информации любая чрезвычайная ситуация получает коммуникативный резонанс, который либо усиливает катастрофичность последствий, либо помогает уберечься от дезадаптации, психогенных расстройств и негативных последствий в отдаленный период, т. е. осуществляет своего рода психотерапию социальной сферы.

Вместе с тем, во-первых, чрезвычайные ситуации в практике представляются нередко в качестве событий, предназначенных для размещения в рубрике «Происшествия». Привлечение внимания, акцент на негативное смысловое наполнение, экстраординарность происшествия либо, напротив, его повторяемость в череде подобных, – все это в той или иной мере способствует определенной катастрофизации общественного сознания. Информация о крупных стихийных бедствиях и техногенных катастрофах, как правило, формирует повестку дня, доминирует над освещением остальных событий повседневной жизни, что выражается в росте объемов сведений о них в информационном пространстве, а также нарастании количества недостаточно взвешенных оценок. Избыточное присутствие такого рода информации формирует эффект привыкания массового

сознания к катастрофам, их неизбежности, что в итоге ведет к пассивному, отстраненному поведению людей даже при таких чрезвычайных ситуациях, как пожар, наводнение и т. п.

Во-вторых, СМИ являются также важнейшим инструментом своеобразного «повторного выода» в общественное сознание проблематики, обладающей выраженным травматическим потенциалом. В таком случае событие прошлого становится феноменом коллективной памяти со свойственными ей закономерностями, языком описаний, характером коммеморативных практик и т. д.

Чернобыльская катастрофа является живым примером события, травматичность которого остается во многом непроработанной в коллективном сознании до сих пор. Освещение чернобыльских событий в официальном дискурсе, в настоящий момент закономерно приобретает характер *ad hoc* («по случаю»), и в этой связи является регулярным (годовщина катастрофы, значимые события, программы реабилитации регионов и т. п.) и в некоторой степени ритуализованным. С другой стороны, нарастающая удаленность события во времени налагает свой отпечаток на характер подачи материала и актуализации событий.

Публикуются все новые подробности и интерпретации, свидетельства очевидцев и тех, кто неким образом был задействован. Вместе с тем, реакция общественности показывает, что событие, оставаясь для многих значимым, со временем не становится для большинства более понятным, «очищенным» от стереотипов и предрассудков [2].

Под десенсибилизацией жертв и пострадавших понимается процесс и результат отражения в массовом сознании последствий чернобыльской катастрофы, в ходе которого постепенно нивелируется эмоциональный компонент: страдания жертв и пострадавших уходят на второй план, а далее вытесняются полностью. Это связано с естественным стремлением снизить актуальность травматического события и временным фактором. Однако в таком случае в коллективной памяти фактически проводится демаркационная линия – жертвы и пострадавшие как бы выносятся за рамки актуального. Непроработанность травмы в общественном сознании в некотором смысле запускает процесс диссоциации (чернобыльская беда «есть в принципе», но отсутствует в актуальном жизненном пространстве, т.к. психологически не до конца ясно, «что с этим делать»).

Вторичная виктимизация. Если первый эффект касается тех, кто к чернобыльской трагедии имеет косвенное отношение (либо не имеет вообще), то вторичная виктимизация – параллельный феномен, касающийся пострадавших. Такому положению дел способствовал ряд эффектов массового сознания, актуальных в первые годы после трагедии, но в «стертом» виде присутствующий до сих пор.

Актуальным остается стереотип о том, что например, пострадавшие больны, травмированы физически и психически. Подавляющее большинство людей до сих пор не представляют себе механизмы воздействия радиации на организм человека. В результате общественное сознание в значительной мере мифологизировано и иррационально.

Сейчас избегающая в отношении чернобыльцев тенденция может проявляться косвенно (например, в виде опасений, что генетические поломки, связанные с последствиями катастрофы, не позволят произвести здоровое потомство при вступлении в брак с людьми из пострадавших регионов). Кроме того, феноменология травмы людей из пострадавших регионов зачастую остается непонятной «незатронутому» большинству. Это может приводить к осуждению им социально неодобряемых качеств, наблюдаемых у пострадавших и их родных: (выученной) беспомощности, пассивности, депрессии и озлобленности.

Как отмечается, Чернобыль был использован СМИ для нарушения целого ряда культурных запретов. Чернобыльские ликвидаторы – фактически единственная в стране группа людей, которой регулярно напоминают о малоприятном факте их смертности. Причем сами цифры берутся, как правило, из ненадежных источников, и никогда не сравниваются со средними показателями смертности по стране в соответствующих возрастных группах (без чего они неинформативны).

Свою роль сыграл и экономический аспект проблемы. Законы, принятые в первые годы после аварии, предоставили чернобыльцам различные льготы и компенсации, особенно в случаях, когда инвалидность связывалась с фактом облучения. Система «компенсация – за болезнь» привела к тому,

что успешное лечение и снятие или пересмотр группы инвалидности приводили к ухудшению социальной защищенности ветерана Чернобыля. С другой стороны в массовом сознании невольно закреплялся стереотип «быть чернобыльцем – выгодно». Противостояние подобному ярлыку могло привести лишь к усилению позиции жертвы и необходимости самооправдания («я чернобылец не потому, что выгодно, а потому, что мне очень плохо»), формированию дезадаптивной системы установок и ожиданий и стигматизации пострадавших.

Стереотипность и слухопорождение актуальны там, где имеет место информационный вакуум, допускаются неточности в информировании, неоднозначность в ответах на коллективный запрос на информацию («Что происходит?», «Насколько это опасно?» и т. д.). В своем исследовании А.Г. Каряни отмечает, что при угрозе любого, в том числе и радиоактивного, заражения на фоне развившейся тревоги возможно возникновение ложных групповых и массовых поражений – «психических инфекций», развивающихся по механизму психического заражения и подражания. Отмечается, что страх перед радиацией побуждает большие массы людей иррациональные действия, которые нередко неблагоприятно сказываются на здоровье людей (скупка йодосодержащих препаратов, стремление избежать контакта с пострадавшими и т. п.).

Последствия аварии на Чернобыльской АЭС детально изучены и систематизированы Е.М. Бабосовым, Т.Б. Мельницкой и др. [3, с. 430]. Указанные авторы отмечают, что помимо общей дезадаптации личности в этиологии можно выделить также развитие сверхценного отношения к образу чрезвычайной ситуации, а также экстернальность локуса контроля (тенденция к уходу от ответственности за себя).

Первая из указанных особенностей ставит эмоциональное состояние таких людей (в сфере представлений о собственной безопасности) в прямую и опасную зависимость от содержания и тональности информационного контента, транслируемого СМИ. Экстернальность локуса контроля подразумевает, с одной стороны, тенденцию к манифестации беспомощности, пассивности и «жертвенности» в вопросах обеспечения собственной безопасности, а с другой – завышенные, но не конкретизированные ожидания по вопросам гарантий безопасности и поддержки в отношении уполномоченных структур. В некотором смысле подобное отношение (количественно менее выраженное) стало смысловой рамкой и для населения, не относящегося к категории пострадавших от чернобыльской катастрофы. Основанием для подобного заключения послужили данные о специфике психотравмирующего воздействия природных катастроф, феноменологически сопоставимые с последствиями крупнейших техногенных аварий.

Символическая переработка травмирующего события – ключевой элемент преодоления травмы и санации социальной обстановки. Ликвидация последствий Чернобыля невозможна без философского осмысления значения аварии и ее причин.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бажал, А.* Синдром вечной жертвы / А. Бажал // Зеркало недели. Украина. – 2008. – № 16.
2. *Орлов, И. Е.* Последствия аварии на ЧАЭС / И. Е. Орлов // Медико-биологические аспекты аварии на Чернобыльской АЭС. – 1996. – № 3.
3. *Бабосов, Е. М.* Прикладная социология / Е. М. Бабосов. – Минск : Тетрасистемс, 2001. – 496 с.